
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

МОЛИТВА СВ. ГРИГОРИЯ И МОЛИТВА ИСПОВЕДАНИЯ ГРЕХОВ – ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕШСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, СОХРАНИВШИЕСЯ В ЯРОСЛАВСКОМ СБОРНИКЕ XIII ВЕКА

© 2015 г. М. Вепржек

Молитва св. Григория и Молитва исповедания грехов из Ярославского сборника свидетельствуют о существовании живых чешско-русских культурных связей в XI веке. В недавнее время автором данной статьи были опубликованы их латинские образцы – *Oratio sancti Gregorii (papaе)* и *Confessio (sancti Patricii)*. Детальный анализ показывает, что они были переведены с латыни в западнославянском ареале (в Чехии в XI веке).

The Prayer of St. Gregory and the Prayer of Confession of Sins from the Yaroslavl Prayerbook give evidence of an existence of intensive Czech-Russian culture contacts in the 11th century. The author of the article recently published Latin originals of the prayers – *Oratio sancti Gregorii (papaе)* and *Confessio (sancti Patricii)*. A detailed analysis shows that the prayers were translated from Latin in the West Slavic area (in Bohemia in the 11th century).

Ключевые слова: славянские переводы, церковнославянские молитвы, Молитва св. Григория, Молитва исповедания грехов.

Key words: Slavonic Translations, Church Slavonic Prayers, Prayer of St. Gregory and Prayer of Confession of Sins.

Ни один исследователь, занимающийся церковнославянской письменностью, не может обойти вниманием работы А.И. Соболевского, опубликовавшего на рубеже XIX и XX веков несколько ключевых трудов, которые вдохновляют ученых до сих пор. Это утверждение справедливо и для т.н. восьми молитв из Ярославского сборника, которые были также изданы Соболевским в 1906 году [1]. Соболевский снабдил свое издание комментариями к тексту и кратким исследованием, в котором объяснил, почему он решил привлечь всеобщее внимание к упомянутым молитвам, – он считал, что они были переведены с латыни в западнославянском пространстве, при том что латинские оригиналы остались ему неизвестны.

Эту гипотезу долго было невозможно подтвердить, поскольку научное сообщество исходило из презумпции чешского происхождения этих молитв и находило параллели с другими церковнославянскими памятниками чешского происхождения (говоря так, мы имеем в виду, прежде всего, параллели на лексическом и текстовом уровне) [2, с. 277; 3, с. 439].

Лишь в недавнее время автором данной статьи были опубликованы латинские образцы двух из рассматриваемых молитв, а именно *Молитвы св. Григория* и *Молитвы исповедания грехов* [4]. Та-

ким образом открылась возможность для детального анализа молитв, с которой мы и хотели бы познакомить читателя в настоящей статье.

Как уже было сказано выше, обе молитвы сохранились как часть Ярославского сборника. Эта рукопись (иногда называемая также “Чинovník”) относится ко второй половине XIII века и происходит из южнорусской области. Она включает в себя тексты различного происхождения, в большинстве своем такие, которые были связаны с литургией часов, однако ряд текстов мы можем характеризовать как тексты паралитургические, напр., *Молитва целующе крест*, *Молитва перед обедом* и др. Важную часть сборника представляют несколько молитв Кирилла Туровского, а также единственная известная на сегодняшний день версия *Молитвы против дьявола*, которая, безусловно, является текстом великоморавского происхождения [5; 6]. В прошлом эта рукопись находилась в собственности Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, в настоящее время она находится в Ярославском историко-архитектурном и художественном музее (под шифром 1548), один лист также находится в Государственном историческом музее (Барс. 347) [7, с. 320–322]. Всего рукопись состоит из 236 листов, однако представляет собой неполный сборник: в кодексе отсутствуют начало и конец.

Первая из двух анализируемых нами молитв, т.е. *Молитва св. Григория*, сохранилась еще в трех рукописях. Был опубликован вариант из молдавской Псалтыри XV века, который сейчас находится в Государственном историческом музее под шифром Унд. 1274¹. На следующую версию обратил внимание А.И. Соболевский; она находится в рукописи, которая сейчас хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и, к сожалению, не была нам доступна для исследования.

Недавно также была найдена сербско-церковнославянская версия Молитвы св. Григория. Ее открыл Ф. Чайка, который в настоящее время готовит текст к изданию, и хотя нам не удалось включить ее в круг нашего исследования, по предварительной оценке Ф. Чайки, разночтения в версиях не ставят под сомнения результаты нашего анализа. На сербскую почву молитва, вероятнее всего, попала из Руси.

Молитва св. Григория представляет собой текст, достойный внимания уже благодаря своему содержанию. Ф.В. Мареш [2, с. 277] характеризует ее как молитву “на конце часов”², что обусловлено, прежде всего, подзаголовком молитвы – *коньчавше часы*. Однако не исключено, что существительное *часъ* можно здесь интерпретировать и в значении “период времени”. В этом случае всю молитву мы можем воспринимать как молитву, произносимую в конце жизни, в час смерти. В пользу этой интерпретации может говорить также и начальный пассаж:

г҃и оуслыши мѣтѣвоу мою. такоже знаю азъ вѣмъ моѣмъ близъ соущѣ³.

Несмотря на то что объяснение Ф.В. Мареша кажется нам наиболее правдоподобным, мы вынуждены констатировать, что эта характеристика касается только церковнославянской версии из Ярославского сборника. В рукописных вариантах латинской параллели вышеупомянутый подзаголовок не имеет эквивалента, и нельзя утверждать с уверенностью, можно ли его реконструировать как архетип, относящийся к славянскому переводу.

Далее в подзаголовке молитвы этому тексту явно приписывается, при условии ежедневного

повторения, особая охранительная сила от злого человека, дьявола, а также от попадания в ад, якобы по словам св. Григория:

иже колиждо творать сию мѣтѣвоу. на всакъ днь. ни зъльзъ члѣкъ. ни дѣяволъ никогдаже ни кѣдиномъ же льстинъ съблзнить можетъ. ни на дшю ни на тѣло. и аще ѿ сего житиѣа преставитъ сѧ азъ тога дшѣ не приметъ. такоже истѣни григориѣ рече.

С теологической точки зрения мы можем согласиться с примечанием Ф.В. Мареша о том, что эта вводная формулировка, вероятнее всего, имеет народное происхождение и выдает не самый высокий уровень теологического образования ее автора (см. [8, с. 71]).

В отличие от предыдущего подзаголовка, этот пассаж имеет по крайней мере приблизительные параллели в латинском оригинале молитвы. И несмотря на то, что ни один из них стопроцентно не соответствует славянскому тексту, такое добавление “пожелания” к молитве является в средневековой латинской традиции довольно распространенным.

Латинский оригинал *Молитвы св. Григория* известен как минимум по тридцати рукописям, датируемым периодом с IX по XVI в. Их географическое распространение охватывает практически всю западную Европу (некоторые рукописи в настоящее время хранятся в Северной Америке и Австралии). Древнейшая сохранившаяся рукопись относится к IX в. и происходит из Регенсбурга, до недавнего времени она хранилась в библиотеке монастыря ордена монахов-премонстрантов в г. Тепла недалеко от Марианских Лазней (шифр b9), а в настоящее время перенесена в Национальную библиотеку в Праге. Речь идет о рукописи, роль которой в понимании латинской, древневерхненемецкой и старославянской литературы трудно переоценить, поскольку она включает в себя, помимо прочего, и древнейшую из известных версий т.н. *Молитвы св. Эммерам* на старобаварском диалекте, старославянское отражение которой мы найдем в *Синайском Евхологии* и *Фрейзингенских отрывках*.

На основании текстологического разбора⁴ нам все же удалось доказать, что самый близкий вариант латинской параллели по отношению к имеющимся версиям славянского перевода следует искать в рукописях XI в., а также в рукописях, географически относящихся к центральной Европе (не исключая территорию современной Чехии).

¹ Эта версия была опубликована в работах А. И. Соболевского [1], Ф.В. Мареша [8, с. 73–75] и как варианты также в новейшем издании [4, с. 110–131].

² Имеется в виду отсылка к т.н. литургии часов в западноевропейской католической церковной традиции.

³ Здесь и ниже мы цитируем церковнославянский и латинские тексты *Молитвы св. Георгия* и *Молитвы исповедания грехов* по новому изданию, подготовленному по снимкам рукописей [4, с. 110–131, 146–165].

⁴ Регламент статьи не оставляет нам места для более подробного текстологического разбора, поэтому мы приводим ссылку на нашу монографию [4].

Связь именно с этим ареалом подтверждается также тем фактом, что в XIV в. был произведен перевод *Молитвы св. Григория* на старочешский язык. Уже только эти факты, по нашему мнению, свидетельствуют о справедливости гипотезы, согласно которой данная молитва была переведена на церковнославянский язык, скорее всего, в Чехии в XI в.

К подобным результатам нас приводит и анализ языка молитвы, проведенный в сопоставлении с ее латинским оригиналом. Здесь мы можем сосредоточиться, прежде всего, на лексическом уровне. Уже А.И. Соболевский находил в тексте молитвы некоторые потенциальные богемизмы и словарные совпадения с другими памятниками чешского происхождения, прежде всего с *Беседами св. Григория Двоеслова на евангелие* (см. [1, с. 66–78]). Мы можем назвать, например, лексемы *гъмѣрѣннѣ* в соответствии с лат. *humilitas*, *тѣпѣннѣ* – *patientia* или *избѣранъ* – *electus*. С точки зрения переводческой техники достоин внимания также гендиадис, который мы находим в *Молитве св. Григория*, напр., в пассаже *данъ же ми ти ѿ ѿе хѣ крѣпость и силу* (перевод с лат. *da mihi d(omi)ne je(s)u chr(ist)e fortitudinem de celo*). Этот стилистический прием очень хорошо представлен и в других памятниках чешского происхождения, прежде всего в *Беседах св. Григория Двоеслова* и во *Второй старославянской легенде о св. Вячеславе – Легенде Никольского* (см. [3, с. 430–431])⁵.

К этой же области, как это ни парадоксально, относится и грецизм *всѣдѣрѣжнѣ*, калька с греческого композита *παντοκράτωρ*. В рамках языкового узуса церковнославянского языка чешской редакции, особенно в памятниках XI в., довольно широко представлен целый пласт подобных грецизмов, которые интерпретируются учеными как наследие церковнославянского языка великоморавской редакции, иногда – как влияние других редакций старославянского языка того же периода [10; 11]. Этот факт прекрасно подтверждается словом из того же словообразовательного гнезда – композитом *всѣдѣрѣжнѣ* (в переводе с лат. *omnipotentia*!), которое встретилось во *Второй старославянской легенде о св. Вячеславе*. Это сложное слово, которое к тому же имеет территориально маркированную часть *-bstvije* (ср. [12, с. 239]), представляет собой гапакс в рамках памятников, на которых базируется Словарь старославянского языка [13, т. I, с. 364].

⁵ Этой стилистической фигурой в *Беседах св. Григория Двоеслова* на фоне других старославянских и церковнославянских памятников занимался также Й. Райнхарт [9].

Молитва св. Григория, к сожалению, содержит мало имен святых, поэтому ее с этой точки зрения трудно соотнести с какой-либо конкретной религиозной областью. По именам названы лишь Дева Мария и св. Петр. Вероятно, лишь способ наименования Девы Марии может служить указанием на западное происхождение этого текста – она здесь упоминается во главе всеобщей категории святых в форме *вѣлата мариа*. Этот атрибутивный способ наименования матери Иисуса в палеославистике традиционно считается выразительным средством, имеющим западно-церковное происхождение⁶.

Далее в статье мы будем говорить о другом тексте, т.е. о *Молитве исповедания грехов*. В настоящее время нам известна ее церковнославянская версия только по *Ярославскому сборнику*, что несколько осложняет более глубокий текстовый анализ. Латинский оригинал представляет собой относительно известный средневековый текст, датируемый IX веком (одна из его частей даже датируется концом VIII в.). Его происхождение относится к Британским островам, откуда в континентальную Европу он попал усилиями ирландско-шотландских миссионеров. В некоторых рукописях этот текст также обозначен как *Confessio sancti Patricii*, хотя истинное авторство св. Патрика мы ставим под сомнение.

Для определения происхождения славянского перевода нам необходимо знать, что самый близкий вариант латинской параллели можно найти в рукописях XI в. В некоторых латинских кодексах *Молитва исповедания грехов* встречается рядом с *Молитвой св. Григория*, напр., в *Псалтыри из Бури* (Bury Psalter) и в *Требнике св. Вульфстана* (обе рукописи датируются серединой XI в. и географически относятся к Британским островам), а особенно в рукописном Евангелии середины XI в., происходящем из Рейнской области (в настоящее время рукопись хранится в университетской библиотеке в Дармштадте, шифр Hs 544). Версии обеих молитв в этом Дармштадском кодексе представляют самый близкий вариант в сравнении со славянскими переводами, хоть и в этом случае мы еще не можем говорить об исходном образце.

Связь *Молитвы исповедания грехов* с деятельностью кельтских миссионеров представляет интересную гипотезу, которая подтверждается также общим характером молитвы. Молитва разделена на три части, при этом наиболее пристального

⁶ Идентичное обозначение Девы Марии так же оценивается, напр., в издании *Первой старославянской легенды о св. Вацлаве* Востокова (см. [14, с. 84]).

внимания с культурной точки зрения заслуживает средняя часть, посвященная перечислению грехов. Встает вопрос, не является ли молитва частью обряда исповеди, ведь известно, что личная исповедь, т.н. “исповедь на ухо”, распространялась в западной церкви как раз ирландско-шотландскими миссионерами. Первоначальное предназначение молитвы могло быть и таким, однако характер рукописей, в которых молитвы сохранились в XI в., склоняет нас к заключению, что молитва была все-таки предназначена для личного богослужения, как текст паралитургический.

Пассаж, включающий перечисление грехов, достоин внимания с точки зрения языкового, а также текстового анализа. Дело в том, что он включает в себя несколько лексем, которые свидетельствуют о том, что переводчик молитвы хорошо знал старославянскую “терминологию” грехов. Особого внимания заслуживают словарные соответствия с *Фрейзингенскими отрывками* и с правилом исповеди из *Синайского Евхология*, напр., *скжпоць* (lat. *avaritia*), *съмнчѣствнѣ* (lat. *luxuria*) – во *Фрейзингенских отрывках* также встречается *съмнчѣство*, *татѣба* (lat. *furtum*) и *пнѣанѣство* (lat. *ebrietas*).

Молитва исповедания грехов содержит также некоторые потенциальные богемизмы. Прежде всего это существительное *издрѣшениѣ*, которое является переводом латинского *remissio*. Об этой лексеме в комментариях к своим изданиям упоминают А.И. Соболевский [1, с. 75] и Ф.В. Мареш [8, с. 77]: хотя она и подтверждается церковнославянскими текстами других редакций (напр., Ф. Миклошич приводит пример из поучения Кирилла Туровского XIII в. [15, с. 245]), однако из самых древних памятников встречается лишь в *Киевских листках* (см. [13, т. I, с. 742])⁷. Словообразовательно близкий глагол *издрѣшнѣти сѧ* в материале Словаря старославянского языка является гапаксом из *Второй старославянской легенды о св. Вячеславе*, а существительное *издрѣшнѣтель* встречается лишь шесть раз в *Беседах св. Григория Двоеслова*. Наличие упомянутого существительного в *Молитве исповедания грехов* мы считаем одним из возможных доказательств чешского происхождения этого памятника.

Особого внимания заслуживает использование в церковнославянском переводе *Молитвы исповедания грехов* существительного *съпасѣ*. Оно встречается всего дважды, в первом случае соответствует латинскому слову *deus*, а во втором – латинскому имени собственному *Iesus*. В особен-

ности во втором случае может показаться, что это ошибка, возникшая при переписывании, – церковнославянская аббревиатура *иѣсѣ* могла быть заменена сокращением *иѣсѣ* на основе паронимии. Однако если мы посмотрим на это явление в контексте других памятников, мы можем обратить внимание на аналогичное использование существительного *съпасѣ* в церковнославянской *Легенде о св. Анастасии*, где оно дважды встречается как перевод латинского *Iesus* (см. [17, с. 176–177]). Аналогичный лексический эквивалент мы находим и в *Беседах св. Григория Двоеслова*, как говорится в Словаре старославянского языка [13, т. IV, с. 321]. В нем цитируется одно упоминание перевода латинского *Iesus* именем нарицательным *съпасѣ*, однако Ф. Чайка приводит три упоминания в *Беседах св. Григория Двоеслова* [17, с. 177]. Складывается впечатление, что эта переводческая особенность может указывать на возможное чешское происхождение церковнославянского перевода Молитвы исповедания грехов.

Из других переводческих приемов в этой молитве мы можем назвать также гендиадис, который встречается в пассаже *по щедростѣ мѣти твоѣѧ*, соответствующем латинской параллели *secundum magnam misericordiam tuam*. При детальном анализе этого отрывка мы видим, что обе лексемы *щедрость* и *мѣти* мы можем отнести к латинскому *misericordia*, несмотря на то что они не соединяются паратактическим союзом *и*. Существительное *щедрость* обнаруживает лексическое соответствие в *Беседах св. Григория Двоеслова*, а еще более близкая по смыслу параллель встречается в *Евангелии от Никодима*, при том, что в материалах Словаря старославянского языка говорится лишь о двух фиксациях [19, с. 818].

В *Молитве исповедания грехов* также очень выразительно представлено одно необычное синтаксическое явление, а именно – выражение несогласованного определения с помощью адноминального дательного падежа. Эта синтаксическая конструкция в церковнославянском языке не заслуживала бы особого внимания, если бы не использовалась для перевода латинской конструкции приименного родительного падежа. Мы говорим, в частности, о довольно обширном отрывке во вводной части молитвы, напр., *ты кси цѣ цѣмѣ* – lat. *Tu es rex regum*; *и гѣ гѣмѣ* – *et dominus dominantium*; *ты кси избавитель вѣроушимѣ в тѧ* – *Tu es liberator credentium*; *ты кси оупованиѣ троужающимѣ сѧ* – *Tu es spes laborantium*; *ты кси оутѣшитель плачущимѣ сѧ* – *Tu es paracletus dolentium*; *ты кси наставникѣ народомѣ* – *Tu es magister gentium*; *ты кси творецѣ тваремѣ* – *Tu es creator omnium creaturarum*; *ты кси люитель всѧкому*

⁷ По интерпретации Ф.В. Мареша [16] можно реконструировать лексему *издрѣшнѣ* также в старочешской *Песни Островской*.

доброу – *Tu es amator omnis boni*. Мы считаем, что здесь переводчик *Молитвы исповедания грехов* использовал, вопреки латинскому образцу, конструкции с адноминальным дательным падежом, следуя «норме» старославянского языка. Если мы будем исходить из такого объяснения, мы можем упоминаемые примеры воспринимать как доказательство того, что церковнославянский язык на чешском пространстве в XI в. не был изолированным культурным феноменом, зависимым от влияния латыни, а напротив – развивался в соответствии со своими великоморавскими корнями и в контексте современной ему “нормы” старославянского языка.

О том, что церковнославянский язык в Чехии в X и XI вв. пустил глубокие корни, свидетельствует также характер исследуемых молитв. Мы считаем, что как паралитургические тексты, которые к тому же включают в себя некоторые элементы народной набожности, они не были предназначены лишь узкому кругу образованных людей или монахам определенного монастыря (мы имеем в виду Сазавский монастырь, церковнославянский характер деятельности которого доказан в период с 30-х гг. XI в. до 1096–1097 гг.). В совокупности с некоторыми другими памятниками чешского происхождения, в особенности с пенитенциалом Некотороя заповедь, напротив – данные молитвы являются свидетельством распространения церковнославянского языка среди более широких слоев населения того времени.

Мы также можем сказать, что способ, благодаря которому молитвы сохранились до наших дней, свидетельствует о существовании живых чешско-русских культурных связей в этот период. В русских списках сохранилось большинство церковнославянских памятников чешского происхождения, причем обмен рукописями происходил в обоих направлениях (вспомним, например, рукопись *Пражских отрывков*, которая была, вероятно, списана с русско-церковнославянского образца, ср. [18]). Славистика и богемистическое направление палеославистики многим обязаны активной работе русских литераторов и писцов, и если бы не русские библиотеки и архивы, мы лишились бы многих возможностей в познании очень важной эпохи древней чешской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соболевский А.И.* Несколько редких молитв из русского сборника XIII века // Изв. ОРЯС. 1905. 10/4.
2. *Mareš F.V.* Církevněslovanské písemnictví v Čechách // Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000.
3. *Bláhová E.* Ke klasifikaci českocírkevněslovanských památek // Slavia. 1993. 62.
4. *Vepřek M.* Modlitba sv. Řehoře a Modlitba vyznání hříchů v církevněslovanské a latinské tradici. Olomouc, 2013.
5. *Konzal V.* Staroslověnská Modlitba proti d'áblovi // Europa Orientalis. 1992. 11/2.
6. *Konzal V.* Старославянская молитва против дьявола. М., 2002.
7. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
8. *Mareš F.V.* An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979.
9. *Reinhart J.* Une figure stylistique dans la traduction vieux-slave des Homélie sur l'Evangiles de Grégoire le Grand en comparaison avec les textes Scripturaires // Colloques internationaux des CNSR. Grégoire le Grand. Paris, 1986.
10. *Páclová I.* K otázce lexikálních grécismů v staroslověnských památkách s latinskou předlohou // Studia palaeoslovenica. Praha, 1971.
11. *Vepřek M.* K otázce vlivu řečtiny na slovanské písemnictví přemyslovských Čech v 10. a století // Bohemica Olomucensia. 2010. 2.
12. *Večerka R.* Staroslověňština v kontextu slovanských jazyků. Olomouc; Praha, 2006.
13. *Slovník jazyka staroslověnského. I–IV.* Praha, 1958–1997.
14. *Rogov I., Bláhová E., Konzal V.* Staroslověnské legendy českého původu. Praha, 1976.
15. *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862–1865.
16. *Mareš F.V.* Slovo zřejenie v Písni ostrovske // Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000.
17. *Čajka F.* Církevněslovanská legenda o sv. Anastázii. Praha, 2011.
18. *Mareš F.V.* Pražské zlomky a jejich předloha v světle hláskoslovného rozboru // Slavia. 1949. 19.